

Детские болезни постсоциализма

Государство если и может о чем-то позаботиться, то только за счет народа. У него нет никакого другого счета

Егор Гайдар

Два года энергичных и последовательных реформ позволили Польше сформировать основы устойчивой рыночной экономики, предпосылки восстановления экономического роста. Неизбежный при выходе из высокоиндустриального социализма период падения производства здесь оказался самым коротким в Восточной Европе. С самого начала реформ в польской экономике идут позитивные структурные сдвиги, а с 1992 года восстанавливается рост валового внутреннего продукта. Сегодня Польша по уровню ВВП на душу населения, реальным доходам далеко оставила позади социалистические рекорды и продолжает демонстрировать устойчиво высокие темпы роста (1997 год – рост ВВП – 7%, рост промышленного производства – 8%). Показатели дифференциации доходов населения, доля социальных расходов в валовом внутреннем продукте сближают Польшу с развитыми европейскими рыночными экономиками. За исторически кратчайшие сроки полякам удалось добиться многого из того, о чем мы, начиная реформы, могли только мечтать. И при этом вот характерная цитата из книги Я. Куроня, отражающая состояние современного польского общественного сознания: “В ушах не переставая звучат слова, что “при коммуне было лучше”, что “поляки никогда еще так не страдали”, что “происходит биологическое истребление народа”, что “в Польше устроили новый Холокост”, что “мы морим голодом пенсионеров, врачей, деревенских детей”. Все поразительно похоже на современную Россию.

Печатается с сокращениями. Книга Я. Куроня “Семилетка, или Кто украл Польшу” с предисловием Егора Гайдара будет опубликована в журнале “Иностранная литература”.

Когда все это применительно к России я слышал у нас, читал о том, что “дальше так продолжаться не может”, что “демократов надо перевешать”, что “они ограбили народ”, “разорили”, когда очаровательная телеведущая, получающая зарплату в несколько тысяч долларов в месяц, со слезою в голосе говорит “о нашем ужасном времени”, я долго думал, что тому виной реальные неудачи в экономической политике, вечные колебания правительства Виктора Черномырдина, не способного решить, что же оно хочет делать в экономике, многолетняя пробуксовка реформ, оборачивающаяся длительным периодом падения производства, невыплатами зарплатных плат и пенсий, неуместное роскошество власти на фоне непростых социальных проблем. Но когда читаю все это про Польшу, где экономика быстро растет, зарплаты и пенсии платят вовремя, причем приличные и растущие, а власть ведет себя, по нашим меркам, вполне скромно, вынужден признать: экономическое объяснение такого состояния общественного сознания явно недостаточно.

Король должен жить за свой счет

Одна из генетических черт современной западной цивилизации – рациональное отношение к государству. Английский налогоплательщик XVII века знал, что государство ничего не делает даром. Он был убежден в том, что король должен жить за свой счет, а если требуются чрезвычайные расходы, то на это есть парламент – собрание представителей налогоплательщиков, – который и решит, стоит ли такие расходы предусматривать и если да, то из каких налогов их надо оплатить. Его отношение к государству – это отношение взрослого человека к очень уважаемому, хорошо оплачиваемому наемнику-телохранителю, в нем почти нет патерналистских элементов. Американским колонистам XVII века еще до революции и Войны за независимость казалось совершенно естественным поставить представителей королевской админист-

рации под жесточайший, иногда просто унижительный для короны финансовый контроль, с тем чтобы собранные с них налоги не расходовались без согласия избранных налогоплательщиками органов. По своей природе западная цивилизация – общество самостоятельных, ответственных за себя и свои семьи граждан – налогоплательщиков.

Напротив, социализм как общество, выросшее из последовательного отрицания западных институтов и ценностей, несет в себе семейное, патерналистское отношение к государству. Представление о государстве как институте, созданном налогоплательщиками для решения общих проблем, глубоко чуждо социалистическому обществу. Социалистическое государство – это одновременно и суровый отец и добрая мать, хорошо знающая, как себя надо вести и что делать его многочисленным детям, награждающие послушных и готовые строго наказывать шалунов. Вспомним стилистику отношений власти и общества в характерных идеологических штампах социалистической эпохи: “Материнская забота родной коммунистической партии о тружениках села”, “Нас вырастил Сталин”, “Партия Ленина, сила народная нас к торжеству коммунизма ведет” – они проникнуты отношением добрых родителей к хорошему, но еще неразумным детям. Общество прекрасно знает – это право родителей давать или не давать игрушки или сладости, карать и миловать.

Модель отношений мудрых и добрых родителей (власть) и неразумных, но послушных и благодарных детей (на-

Социалистический ребенок, с кулаками наступая на власть, надеялся, что его возьмут в богатый дом, где вкусно кормят новые ласковые капиталистические папа с мамой

род) неплохо работает в условиях устойчивого социализма. Но в ней таятся и встроены факторы риска. Чуть повзрослев, дети могут решить, что им недодают игрушек и карманных денег, начать дерзить взрослым, а то и просто своевольничать. Тем более если у них, как у поляков, есть разбросанные по всему миру родственники и они точно знают: там, в капиталистической загранице, в чужих домах и игрушках лучше и сладостей больше.

На этапе заката социализма отношения власти и общества остаются патерналистскими, но их характер меняется. Теперь власть это не строгий, но справедливый отец, а отчим жадный, но слабый и трусливый. На него надо прикри-

нать хорошенько, припугнуть, прижать к стенке, и он все даст, куда денется. Отсюда и в СССР, и в Польше в конце восьмидесятых — экономика популизма, слабеющая власть, выдающая под напором общества все новые и новые нереализуемые обещания, принимающая необоснованные расходные программы, развал государственных финансов, исчезающие с прилавков товары. Чем больше популистских решений, тем хуже дела в экономике. Чем хуже дела в экономике, тем мощнее напор на власть. Запоздалые попытки привлечь ребенка к обсуждению дел в семейном бюджете, объяснить, что там давно гуляет ветер, бессмысленны и беспредметны.

После сказки

Общественное сознание периода заката социализма по-прежнему детское, насквозь мифологическое, но теперь в нем доминируют иные мифы. "Социализм плох, неэффективен, капиталистические страны богатые. Там люди хорошо живут, а безработные получают больше нашего профессора. Нам больше не нужен социализм, у нас будет рыночная экономика, а значит, всего будет вдоволь, как за границей". Понимание того, что крах социализма отнюдь не означает немедленного появления эффективной рыночной экономики, что за социалистический эксперимент придется долго и дорого платить, что сам по себе постсоциалистический рынок отнюдь не веселый детский праздник с подарками, а система, в рамках которой резко возрастает ответственность каждого за себя, свою семью, ее благосостояние, что придется приспосабливаться к новым социальным реалиям, — далеко за гранью массового обсуждения. В моде розовые сказки, как за пятьсот дней даром построить эффективную рыночную экономику и зажечь богато и счастливо.

Яцек Куронь обращает внимание на известный феномен революционного сознания: "Чаяния участников революции никогда не сбываются сразу после ее свершения... Ведь ни одна их мечта не сбылась, если не считать свержения прежнего режима. Власть они передали в другие руки (должен же кто-то управлять государством), но у них по-прежнему нет хрустальных замков, они живут едва ли не в лачугах, по-прежнему каждый день вскакивают чуть свет, чтобы успеть к шести на работу, и по-прежнему каждый месяц не хватает денег дотянуть до зарплаты. А терпение иссякает. Проходят более или менее долгие медовые месяцы революции, появляется чувство разочарования, неудовле-

творенности. Со временем разочарование усиливается, неудовлетворенность усугубляется и возникает послереволюционная агрессивность".

Здесь не могу с ним согласиться. На мой взгляд, послереволюционное разочарование вообще не имеет ника-

кого отношения к вовлеченности в свершение предшествующего режима. Не думаю, что Сергей Ковалев или Валерия Новодворская ждали, что на месте рухнувшего социализма разом появятся райские кущи. А вот миллионы социалистических бездельников, обсуждая на работе в конце восьмидесятых между чаем и походом в магазин происходящее в стране, были твердо убеждены, что рынок — это когда они по-прежнему будут пить чай и болтать на работе, но только платить им будут, как в Америке. Именно они, а отнюдь не идейные борцы против социалистического режима сегодня громче всех кричат об обманутых надеждах и преданной революции.

Если перечитать сегодня публицистику конца восьмидесятых годов и вычлени в ней самые розовые, приторно сладкие материалы, обещавшие легкую и счастливую дорогу из социализма к рынку, вы без труда узнаете в их авторах строгих критиков пройденного в последние годы пути. Это и понятно, труднее всего простить другим собственные заблуждения и иллюзии.

И в Польше, и в России к моменту краха коммунистического режима экономическая ситуация была вполне катастрофична. Полностью разрушенные финансы, парализованное снабжение, быстро растущие цены на фоне всеобщего дефицита. Старая социалистическая система уже отказала, рыночная еще не заработала. И там, и там было необходимо срочно начинать осуществлять решительные меры по формированию механизмов рыночного хозяйства, финансовой и денежной стабилизации, открытию экономики. И каждому мало-мальски сведущему в экономике человеку было ясно, что

необходимые действия и их результаты, даже при наиболее благоприятном развитии событий, бесконечно далеки от розовой картинки предстоящего всеобщего рыночного счастья, доминирующей в постсоциалистическом общественном сознании. Разумеется,

не случайно Кучинский, которому Л. Валенса поручил найти польского Эрхарда, раз за разом получал от возможных кандидатов отрицательные ответы. Судьба Л. Бальцеревича, оказавшегося одним из

самых эффективных реформаторов, заложившего основы сегодняшнего бурного роста польской экономики и вынужденного до сих пор регулярно выслушивать по своему адресу: "вор", "убийца", "грабитель", — позволяет хорошо понять — почему.

Линия водораздела после социализма проходит между теми, кто нашел себе место в новом рыночном мире и теми, кто не нашел. Но их отношение к реформам, к проводившим их правительствам — несимметрично. Подавляющее большинство из тех, кто преуспел, твердо уверены, что этим они обязаны себе, своему уму, разворотливости, умению работать и использовать обстоятельства. Те же, кто не сумел приспособиться, твердо убеждены, что это, разумеется, не потому что они безрукие, бестолковые и ленивые, — просто этот антинародный курс не оставил им никаких шансов.

Долетит ли копьё до луны?

Фундаментальная проблема постсоциалистической политики — безмерно завышенные детские ожидания поздней социалистической эпохи. Разрыв между ними и реально достижимыми на протяжении 5-7 лет результатами остается огромным даже при впечатляющих успехах экономического развития. Папа привел вас на соревнования по легкой атлетике, и вы твердо уверены, что спортсмены добросят копьё до луны.

Даже если после этого здесь установят мировой рекорд, вы почувствуете себя разочарованным и обманутым. Примерно то же после социализма происходит с экономическими ожиданиями. Говорят, что экономический рост есть, а счастья нет. Денег до полочки не хватает, в Америке родственники живут куда лучше, а тут еще мерзавец сосед купил себе новую машину. Ну разве можно это вынести? Социалистиче-

На крутом маршруте страшнее всего паника у капитана и дрожащие руки у рулевого

А. Гурский

ский ребенок, с кулаками наступая на власть, надеялся, что его возьмут в богатый дом, где вкусно кормят новые ласковые капиталистические папа с мамой. А его выгнали за дверь, сказали, что он теперь взрослый, должен сам зарабатывать и распоряжаться своей судьбой. Что же удивляться, услышав от него: "При коммуне было лучше", "Прекратите геноцид против народа".

Сами по себе крики не так страшны. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Гораздо опаснее другое — когда этот крик начинает оказывать серьезное влияние на реально проводимую экономическую политику. Путь от развалившегося социализма к устойчивому экономическому росту — трудное плавание, где надо идти круто к ветру. Чуть ослабишь руки на штурвале — снесет далеко назад, потом будешь годами наверстывать упущенное. На таком маршруте страшнее всего паника у капитана и дрожание руки у рулевого. Но попросите сохранить спокойствие и твердость, когда вокруг шквал истерики обманутых детских ожиданий.

Люди с инфантильным сознанием — большая часть избирателей в молодых постсоциалистических демократиях. Политическая сцена постсоциалистических государств иногда до боли напоминает семейные игры в демократию, где дети регулярно голосуют за новую порцию мороженого. Большинство участников политического процесса твердо уверены, что государство может и обязано давать, а если не дает, то исключительно по злобе и жадности. Обороты типа: "Почему государство не заботится о...", "Государство обязано найти средства на...", "Государство пытается решить эти проблемы за счет народа" — доминируют в политических дискуссиях. Используя эти обороты политикам и журналистам совершенно неинтересно, что государство есть и может о чем-то позаботиться, то исключительно за счет народа, у него просто нет никакого другого счета.

Плаксивый тон большинства средств массовой информации, считавшийся почти столь же обязательным, как бодрый рапорт периода развитого социализма, обязательные к употреблению обороты типа: "Сейчас, в это ужасное время", "В условиях углубляющегося кризиса"... — отнюдь не результат сознательной манипуляции общественным сознанием. Постсоциалистический ребенок хочет, чтобы его пожалели, с ним вместе поплакали над разбитыми иллюзиями, трудностями адаптации к взрослой жизни, — пресса лишь выполняет социальный заказ. Общественное сознание предъявляет спрос на политические силы, готовые быть ретранслятором обид и разочарований. Тому, кто умеет делать это громче и артистичнее других, обеспечено голосова-

ние инфантильного электората, а значит, и победа на выборах.

Лекарство от истерики

Однако попытки на практике сделать радикальный поворот в экономической политике, начать массовую раздачу подарков приводят к быстрым, стандартным и тяжелым последствиям. Поэтому в большинстве случаев новое правительство, пришедшее на волне яростной критики проводимого курса,

обещаний щедрых раздач, первым делом присягает на верность курсу реформ и отказывается от своих обещаний. В Польше это происходило неоднократно, самый яркий пример тому, конечно, Лех Валенса, выигравший президентские выборы на волне критики "грабительской политики Л. Бальцеровича" и первым делом предложивший ему продолжить работу в качестве вице-премьера, министра финансов. Череду выборов, на которых политики приходят к власти под антиреформаторскими лозунгами, а затем немедленно отрекаются от них, конечно, может породить в обществе глубокое разочарование и политический цинизм. Но не хотелось ли само общество быть обманутым?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, дают президентские выборы 1996 года в России. Очень здорово заклеить власть, порассуждать об общих страданиях, о том, что "при социализме было лучше". Но когда вопрос встал всерьез уже не о том, чтобы высказать свое недовольство властью, а о новом коммунистическом эксперименте, то несмотря на неизмеримо более трудный путь к рынку, в высшей степени скромные успехи в экономике и вполне серьезные основания для претензий к проводимой политике, российский народ проявил завидную адекватность и твердо ответило "нет".

Именно то, что в Польше реформы были успешными, экономика растет темпами 7% годовых, позволяет ясно увидеть принципиальные проблемы эволюции постсоциалистического общественного сознания, очищенные от наслоений, порожденных российскими хозяйственными проблемами, многолетней бестолковщиной и неразберихой, частыми сменами курса в экономической политике. Прочитав главу из книги Яцека Куроня, я куда яснее понял, что даже если бы у нашего правительства было больше времени и поддерж-

ки, если б удалось достигнуть того, к чему стремились и за нами сегодня было бы уже три с лишним года динамичного экономического роста, а проблемы задержек с выплатами зарплат и пенсий давно отошли бы в историю, то и тогда мы слышали бы поток оскорблений в адрес реформаторов.

Конечно, есть стандартный рецепт от детского постсоциалистического синдрома: реализовать на практике все то, чего так хочет этот ребенок. Предоставить возможность потакающим ему политикам начать массовую раздачу сладостей и игрушек. Итоги такого эксперимента можно посмотреть на примере политики болгарских социалистов в 1996 году. Терапевтические результаты будут быстрыми и сильными. Последствия детям категорически не понравятся, они срочно начнут звать на помощь дядюшку из МВФ, есть шанс, что даже повзрослеют. Но уж больно жестоко такое лечение. Если же не применять столь радикальное средство, есть только одно лекарство — время.

Уходят в прошлое социалистические реалии с их культивированным инфантилизмом, хочешь не хочешь — приходится учиться взрослой жизни, ответственности. Приходит молодое поколение, вовсе не обремененное социалистическим наследием, среди него куда больше тех, кто понимает, что надо не ждать подачек от государства, а зарабатывать и отстаивать свое место в жизни. Сегодня самый большой процент социально взрослых, самостоятельных людей именно среди молодежи. Общество еще по инерции считает, что государство что-то обязано "дать", но все больше начинает понимать, что "не даст". А отсюда всего один шаг к взрослому пониманию, что дать оно само по себе ничего не может и не обязано и вообще оно не злой или добрый папа, а просто наемный работник, которого мы сами пригласили, чтобы он нам помог решить несколько проблем. Беда в том, что тот путь к рациональному отношению общества и государства, который старые демократии проходили столетиями, нам надо пройти за годы.

Сегодня самый большой процент социально взрослых, самостоятельных людей именно среди молодежи